

*Тем потешали мы народ,
что не разбили огорог,
не реагируя на доводы рассудка.
Мы чуяли, что лес придёт.
Он нас обнимет и поймёт
и будет с нами круглый год, и час, и сутки...*

*Чтоб он добрался как-нибудь,
мы лесу проложили путь:
берёз да ёлок малышня в лесу рождается.
А у крыльца, поверив в сны,
мы посадили три сосны,
чтоб было где однажды заблудиться.*

*Теперь же в унисон со мной
ночная мгла поёт сосной,
и вылезает гриб лесной, тугой и богрый.
Его понятен интерес:
зачем пожаловал к нам лес,
как он на пустоши воскрес неплодородной?*

*А я теперь (молчи, народ!)
услышу, что бормочет крот,
узнаю, что в густых ветвях синице снится.
Вслед за Медведицей Большой
ночною зоркою душой
брожу, пока опущены ресницы.*

*А ночь светла, а ночь тиха —
как будто бы в начале лета.
Меня доставила «Комета»
на остров в поисках стиха.
Я благодарна ей за это:*

пусть будет жизнь глинна, легка
у рыбака, у моряка!
И наго мною, наго мной
ты, тишина, пройдишь волной!

Чужим стихом заражена,
опоена чужою болью,
чужой тревогой и любовью
придавлена, утомлена...
Немного — и свихнусь с ума.
И тут подсказка мне гана,
что лучше — посох да сума.

Сбежала.
В одиночку. Вдаль.
В прохладу. В неопределённость.
К бессоннице имея склонность
и ненавидя календарь.
Неделя отпуска — одна.
Не тяжела моя сума.

О, как целебны эти дни —
без суеты, без трескотни...

И северная ночь светла,
строга, прозрачна, многогранна.
Заката затянулась рана.
Белеет шрам: она — была...

Как повезло нам,
что Альфонс Мария Муха
Саре Бернар нарисовал афишу
и стал невероятно популярен:
стал живописцем, стал творцом,
мир покорившим
текучей линией, изыском колорита,
уютом меланхолии и неги,
залив его, заполнив прихотливо
тем ласковым мерцаньем розоватым!
Оставил след вторженья повсеместно —
от фресок до гардин и бонбоньерок,

трудом установил порядок новый
в искусстве, и в манерах, и в быту.

Какое счастье, что Иосиф,
он же Бродский,
всё ж написал свой первый стих
тогда, в семнадцать,
всё ж написал — и не застопорил на этом,
а стал поэтом,
истинным поэтом!

Что по ночам его светила лампа
там, в закутке за шкафом, где трудился
чеканщик фраз,
ограничик слов алмазных,
стихом своим пленивший миллионы,
жрец божества по имени Язык.

«Будь проще», — говорит мне обыватель.
А люди посерьёзней добавляют:
«Художника обидеть может каждый», —
но произносят иронично, в шутку,
не понимая этой страшной правды.

Каким бы был наш мир, когда бы кстати
(а век с тех пор перевернул страницу)
не разобидели смертельно молодого
Адольфа Гитлера, чей папа — Шикльгруббер,
не осмеяли, выставив придурком
и бездарью, художества его,
а поддержали б, дав образование,
и раскрутили нервного мазилу?
Он мог бы модным стать авангардистом,
сюрреалистом, неоклассицистом —
чёрт знает кем — да я на всё согласна.
Затмил бы популярностью и Муху.
И покори́л бы мир,
как с детства грезил,
залив его, заполнив прихотливо
свежайшей краской.
Краской — а не кровью!
Не насаждал бы «мировой порядок»...
Прекрасен был бы след его вторженья,

*а не чудовищен
и не катастрофичен.*

*Каким бы был наш мир, какой — Россия,
когда б другой Иосиф — Джугашвили,
свой первый стих увидевший в печати
тогда, в семнадцать,
не застопорил на этом,
а стал поэтом, истинным поэтом?
О лирика грузинская, о тонкость
созвучий и мелодий, светотени,
о чистота и помыслов, и пенья!
Как ты могла не опьянить мальчишку
и не назначить к вечному служенью
семинариста и послушника, бродягу?
Вот стал бы он излюбленным поэтом
и классиком Серебряного века,
продлив его на целый век двадцатый!
И по ночам его горела б лампа,
но не в Кремле, а там, где дышит муза
(по стали не выводится чеканка).
А люди, восхищённые стихами,
восторженные пели б дифирамбы:
«Вот гений всех народов и времён!» —
и сотворили б новую кумирню.
Но это был бы светлый культ Поэта.
И только так пленил бы миллионы,
лишая сна, но только сна — не жизни,
не загубив ни душ, ни тел, ни стран,
не людоедствуя, во тьме теряя разум,
уничтожая тех, кто вдохновенен...
(Недаром покушения боялся:
своею же задушен чёрной кровью.
Так отплатила кровь ему за кровь.)
Какая участь — потеряв талант,
разрушить душу.
Не за что молиться.*

*Спасибо тем, кто Мунка не обидел.
Не оскорбил священное безумье
и крик его оставил на полотнах...*